

Мамара Навленько

ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ

Ануш думала, что у неё самая обыкновенная жизнь, и только позднее поняла, что всё это и было счастье, которого больше нет и уже никогда не будет. Такое простое счастье – видеть из окна горы, бегать купаться на речку, каждый день разговаривать с матерью, отцом и братьями, учиться в школе, задачки решать, словно орехи щёлкать, тайно влюбиться в одноклассника Арсена. Ануш, может, и не красавица, но очень симпатичная, миловидная девочка, отличница, а волосы у неё густые, пышные – таких кос, как у неё, не было ни у кого в школе. После школы поступила она в педагогический институт. Арсен в институт не поступил, в совхозе год отработал, в армии два года отслужил, потом пошёл учиться в училище МВД. Когда приезжал летом на каникулы, то казался ей каким-то заносчивым, лишним словом с ней не перемолвится, только головой кивнёт, вижу, мол, вижу, здравствуй! А ведь когда-то у неё задачки списывал!

После института Ануш уже год работала преподавателем математики в родной школе. Замуж её звали, однако она вежливо, но твёрдо всем отказывала, как будто ждала кого-то. И вот наконец Арсен приехал: уже в офицерской форме – лейтенант, стройный, подтянутый, красивый, но такой же гордый и отстранённый. Увидела она его, и тут уж любовь её сразила окончательно, а надежды на взаимность не было. Но однажды в клубе заметила, что Арсен внимательно на неё смотрит, да не просто смотрит, а рассматривает. И ласково так ей улыбается... У неё сердце замерло. А на следующий день пришла к ним в гости его мать, тоже особенно внимательно и ласково на неё посмотрела, с её матерью в комнате закрылись, говорили о чём-то. А когда гостя ушла, мама позвала её и сказала:

– Сватается к тебе Арсен, жениться хочет. Ты уж двум женихам отказала. Неволишь тебя, конечно, не будем! Что ты, Ануш, на это скажешь?

Она молчала, словно окаменела. А мать настаивала:

– Так скажи, скажи же что-нибудь, дочка! Пойдёшь за него замуж? Институт ты окончила с отличием, уже год в школе проработала, хорошо тебе здесь, с родными, а выйдешь за него, придётся тебе с ним уехать. А у него направление в Сибирь. Хочется мне, чтобы ты тут осталась, доченька, но, может, твоя судьба к тебе постучалась. Мы давно их знаем, почти соседи, можно сказать. Семья у них порядочная и парень хороший...

Она же вымолвить слова не могла, только головой кивала, да, мол, согласна! Приданое мать давно ей приготовила, за белым платьем и туфлями в город

съездили. И всё быстро так сладилось! Не успела оглянуться, а уж полсела на свадьбе гуляет, и такая она была счастливая, думала, счастливее этой минуты в её жизни не было и не будет!

Поехали молодые вместе в Сибирь, прибыли в военный городок. У Арсена под началом солдаты – охранники заключённых, которые строили секретный объект. Муж даже ей не говорил, что это там они такое строят. Арсен, человек ответственный, вечером домой не пойдёт, пока десять раз всё сам не проверит. Ануш в школе преподавала математику, и всё ей нравилось – и дети, и школа, и коллеги.

Дали им, как молодожёнам, отдельную комнатушку в общежитии. Топили печку дровами. Кухня общая, офицерские жёны на этой кухне еду готовят, секретами делятся, всем косточки перемоют, анекдоты рассказывают. Хохочут! Ануш жила переполненная счастьем, в таких разговорах не участвовала, не хотелось свою радость напоказ выставлять. Что моё – то моё.

Холодно ей в Сибири. В валенках научилась ходить, печку топить, всё равно зябко. А как Арсен с работы придёт, она ему ужин на стол поставит, сядет рядом и смотрит, каждый кусок провожает – ешь, мой милый, устал, мой хороший?! Арсен даже смущался, мол, не смотри так, а то подавлюсь! Шутил, конечно. Как ни топили, а в комнате всё равно ей, южанке, зябко, но уж как лягут в постель, так жарко становится, не страшны никакие морозы!

А потом поняла Ануш, что ребёнок у неё будет, и обрадовалась – это ещё крепче их с мужем свяжет! Арсену новость сказала. Заулыбался, обнял её:

– Молодец, жена, умница! Замечательный сынок у нас будет!

Рожать она уехала в родное село. Мама всё знает, всему научит и всё подскажет. Ей было всё равно, кто будет – мальчик или девочка, но раз уж Арсену так хочется, она постарается, чтобы родился сын. И постоянно думала про мальчика, и представляла, каким он будет, и всю его жизнь выстроила, о внуках размечталась.

А родилась девочка. Славная такая, красавица! Так и акушерка сразу сказала: красавица, мол, и умница будет! Спокойная, здоровенькая девочка, и молока у Ануш было – хоть залейся, ещё и для соседского ребёнка сцеживала. Арсен в отпуск приехал, счастливый, и жене рад, и дочке. Привет от соседок передал, они его убедили, мол, это хорошо, что девочка первой родилась – сначала нянечка, а потом уж лялечка. Он и подумал: правда, хорошо – будет братишку нянчить, родителям помогать! И так девочку полюбил, с рук не спускал! Назвали Гаянэ, что значит «дом», «семья», «красавица». Такой, значит, жребий у дочки – братишку нянчить.

Приехала Ануш к мужу с дочкой. Арсен убедил начальство, что скоро у него сын родится, дали им в новом доме двухкомнатную квартиру. Вот уже стала дочка подрастать – три годочка, четыре, пять лет. Арсен забеспокоился, мол, а когда же сын у него родится, уже по тридцать лет им скоро, пора! Надо успеть сына вырастить!

Через год родила Ануш девочку, из роддома принесли ребёнка во всём голубом – мальчика ждали, уж так были уверены в этом! Арсен жалко как-то улыбался, но дочку на руки принял, понёс, что тут скажешь – родная кровь! Назвали Анаит, что значит «добро и счастье». Он, конечно, любил своих девчонок, но Ануш чувствовала себя виноватой, что не получилось у неё мальчика, не могла любимому мужу угодить. Арсен честно работал, по службе продвигался, уже и капитана получил.

А потом дали майора и перевели служить далеко-далеко, на юг, в жаркую степь. Ануш потихоньку радовалась, она к сибирским холодам так и не привыкла.

На новом месте дали им трёхкомнатную квартиру, и глава семейства начал опять разговоры заводить про желанного сыночка, наследника. Хотя и всего-то наследства – фамилия. Девчонки замуж выйдут, пропадёт фамилия! Через пять лет родила Ануш опять девочку, Кариной назвали – прославленная, значит, ликующая.

Однажды муж с работы темнее тучи пришёл: кто-то из сослуживцев пошутил, что он дамский мастер. Водки себе налил, весь вечер сидел за столом, с ней не разговаривал. Тоска согнула Ануш, очень она расстраивалась, что не может доставить мужу радость. А он стоял на балконе, смотрел, как во дворе пацаны играют в футбол, и молчал. Иногда выходил во двор и судил матч. И ребята его обожали. Соседскому мальчику подарил кобуру от пистолета, тот был на седьмом небе от счастья!

Наверное, от тоски, от сознания вины своей Ануш стала прибаливать, то с почками проблема, то печень даёт о себе знать. Про сыночка уж и разговора нет. Но когда ей исполнился сорок один год, она поняла, что снова ребёнка ждёт. Врачи не советовали ей рожать, но ей представилось, что это наконец долгожданный мальчик. Положили её в больницу раньше времени – на сохранение. Соседки судачили, мол, с ума сошла Ануш, посмеивались даже. Услышал это Арсен, рассердился, закричал: «Что вы такое тут болтаете?! Человек пошёл сына рожать, а вы тут смеётесь! Зачем смеётесь? Нехорошо это!» Замолчали соседки. Правда, нехорошо смеяться. Ну, дай бог им мальчика, уж очень Ануш убивается.

Девочку родила Ануш! Назвали дочку Сиран – любимая, чтоб отвести от неё напасть, мол, нежеланная она. Работы, заботы у Ануш! Не знала, за какое дело прежде браться, когда из школы приходила. Правда, уж старшие дочери матери помогали. Младшенькая дочка слабенькой родилась, ночами не спала, потом всё простуживалась, болела. Ануш жалела её и любила больше всех. И отец вроде бы смирился, да как не смириться – приходит с работы, девчонки к нему кидаются, на шее виснут. Так и жили.

Через четыре года присвоили Арсену звание подполковника и перевели работать в соседний город, не так далеко, километров семьдесят. И должность у него выше – заместитель начальника колонии. Решили они, что пока не будет семья к нему переезжать. Старшая дочь в институте в Москве учится, вторая школу заканчивает, да ещё и надежда появилась, что Арсена переведут в другое, не такое жаркое место. Зачем вот так сразу с места срыватьсь...

Стал Арсен приезжать домой только два раза в месяц. Но уж радости-то, радости было! Ануш к его приезду уборку прямо-таки генеральную делала, еду готовила самую его любимую. Девчонки щебетали, от отца не отходили! Жизнь продолжалась! Ну нет сыночка, так внуки будут обязательно!

Так прошло полгода, и вдруг звонок телефонный.

– Это вы, Анна Васильевна (так по-русски звали в школе Ануш), жена Арсена Гурамовича?

– Да, это я, – ответила Ануш, и пронзило её предчувствие беды, еле силы наша почти прошептала: – Что-то случилось?

– Случилось, Анна Васильевна. У вашего мужа любовная связь с буфетчицей Светланой, и она всем хвастается, что он вас бросит и на ней женится.

– А вы кто? Почему вы мне звоните?

– Это не имеет значения, кто я. Я за то, чтоб были крепкие советские семьи, а эту Светку надо гнать из города поганой метлой! Ещё заведующей столовой недавно назначили! Советую вам обратиться в партийную организацию, чтоб человек опомнился. Он не так уж и виноват, приворожила его Светка, в еду ему чего-то постоянно подсыпала.

Поняла Ануш, что это правда, сама замечала, что каким-то другим стал её муж всё о чём-то думает, с ней почти не разговаривает, и от любви уклоняется, якобы её бережёт и жалеет. Не знала она, как себя вести, вспомнила только, как в их селе соседка Мара приревновала своего мужа к другой женщине. Пришёл муж домой, а она его во дворе палкой хотела поколотить, но не удалось ей, муж эту палку из рук у неё выхватил и забросил далеко. Тогда Мара подкараулила свою соперницу, вцепилась ей в волосы и давай её таскать туда-сюда. Та еле вырвалась, и с тех пор не слыхали в селе про этот роман. Что же делать ей, Ануш, с этой страшной новостью? Взять палку да мужа поколотить?! Подошла к зеркалу, посмотрела на себя внимательно. Давно не заглядывала – не до красоты ей с четырьмя-то детьми. Увидела: из зеркала смотрит на неё усталая пожилая женщина – и на лбу, и вокруг глаз морщины, и вот возле носа и рта складки глубокие, и шея дряблая, и глаза погасшие, слезами затуманились. Сорок семь, чего уж тут, когда говорят, что сорок лет – бабий век!

В очередной приезд мужа Ануш дождалась, когда дочери разойдутся, и прямо спросила мужа:

– Скажи, Арсен, у тебя есть другая женщина?

– Кто тебе сказал?! – закричал он.

Значит, правда, раз так заволновался, смутился даже.

– Мы так хорошо жили, помнишь, когда поженились, ты ведь так любил меня!

– Я тебе всю правду сейчас скажу, Ануш. Не любил я тебя тогда. И никого я не любил. Мать моя очень расстраивалась, что я поеду в Сибирь один, вот и присматривала мне невесту. А ты ей нравилась – из хорошей семьи, здоровая, симпатичная, характер хороший, трудолюбивая, с образованием, всё умеешь делать по хозяйству – настоящая армянка! А кто её сына покормит после работы, в этих столовых язву наживёшь, да и неизвестно, какая женщина навяжется ей в невестки. Ты была симпатичная, я знал, что добрая, что всё равно жениться надо, знал, что со школьных лет тебе нравился. Да и как-то тревожно одному в эту Сибирь ехать. Я тебя потом полюбил, благодарен был за твою любовь и заботу. Ты замечательная жена и мать, только вот сына мне так и не родила! Если бы сын был, Ануш, я бы не смог от него уйти. А она молодая. Ещё сына мне родит. Отпусти меня, Ануш, не будет у нас с тобой жизни. Пожалуйтесь начальству, выгонят меня из армии – кто наших детей кормить будет? А так я буду вам помогать, сколько смогу, без всяких судов и алиментов. Переводят меня, Ануш, в другое место начальником колонии, звание полковника дают. И я хочу её с собой взять. Я первый раз в жизни узнал, что это такое – любовь! Пойми меня, Ануш, и прости. И я тебя прощаю, что не смогла родить мне сына.

Ануш слова не могла вымолвить, словно онемела, как когда-то от счастья, – а теперь от горя. Арсен деловито, быстро чемодан собрал, из дома вышел, больше ей слова не сказал, словно бежал от неё. Через месяц приехал с дочками попро-

щался, правду им не сказал, переводят, мол, в другое место. Ануш руку подал, она в растерянности свою протянула, а, наверное, надо было на колени упасть и рыдать, и умолять простить её и остаться с семьёй. Вина на ней большая была – не родила мужу сына! Так и в селе у них считали, что женщина виновата, если сына родить не может! Испокон веков так велось: заслуга или вина женщины – пол и здоровье ребёнка. Ах, прости меня, Арсен, простите меня, дочки, что отец ушёл, – это я во всём виновата! Вот тогда она и поняла, какое у неё раньше было счастье! А теперь его нет, и никогда не будет. Тоска с ней была постоянная, но дочек надо растить, а значит, надо жить и работать.

Ещё через месяц снова доброжелательница позвонила и сообщила:

– Анна Васильевна! Светка завтра улетает к Арсену Гурамовичу из вашего аэропорта московским самолётом. Рейс в 15.20. Если хотите на неё посмотреть, приезжайте в аэропорт. Скажите ей в лицо, что вы о ней думаете!

– Как я её узнаю?! – затрепетала Ануш. – Там же много народу!

– Да узнаете, узнаете! Блондинка пышная – пастила бело-розовая, так сразу в глаза и кидается.

Ануш не спала всю ночь, утром еле силы собрала, чтобы встать, идти на работу. Апрель месяц, тепло уже, солнце во всё небо, абрикосовые деревья в цвету, всегда она этому радовалась, а как сейчас ей тоскливо и одиноко! Надо ли ехать в аэропорт? Зачем травить себе душу, видеть молодую, красивую женщину, которая родит Арсену сына?! Всё утро промаялась, но когда освободилась после уроков, всё-таки поехала в аэропорт. Вот и очередь на регистрацию, ищет Ануш глазами свою соперницу, но никого похожего не видит. Уж она вздохнула с облегчением: нет и не надо! Но вдруг подбегает и становится в хвост очереди молодая полная блондинка, за ней мужчина, видно, водитель, чемодан и сумку тащит. Посмотрела Ануш, поняла: вот она – разлучница! Молодая, белокожая, а на щеках румянец, губы сочные, алые – и правда, пастила бело-розовая. Волосы шикарные взбиты в высокую причёску, что тут скажешь – хороша! Да ведь и Арсен лучше всех! И тут вдруг пропала куда-то Анна Васильевна, интеллигентная учительница, уважаемый в городе человек, а вместо неё – бывшая соседка Мара, которая свою соперницу за волосы таскала и в пыли возила. Ануш смотрит на блондинку и понимает, что сейчас она в эту белую причёску вцепится, голову рывком наклонит и коленом ударит в лицо, в грудь, в живот, – может, эта тварь и подохнет! – и потом хоть в тюрьму Ануш сажайте! Затрясло её, зазнобило даже, как в лихорадке. И тут девочка лет десяти, что рядом с матерью стояла, говорит:

– Посмотри, мама, какая тётя красивая, и лучше всего причёска!

– Да что ты, дорогая, это у тётеньки парик на голове!

Присмотрелась Ануш – точно, парик! И так стало ей вдруг смешно, вот стащит она его с головы красотки, а там жидкие белые потные волосёнки! Ах, Арсен, Арсен! Как ты говорил мне: «Распусти косы, Ануш, дорогая, какие у тебя замечательные волосы, густые, волнистые, красивые – укрой меня ими!» И не разрешал ей косы обрезать. Так до сих пор и носит она этот тяжёлый узел волос на голове. А у этой бабы всё ложь, всё подстава. Ах, бедный, бедный, глупый Арсен! Заплакала она и пошла на автобусную остановку, пора домой возвращаться, девочек обедом кормить. И рада была она, что опомнилась и не опозорила себя на весь город.

Поняла Ануш, что надежды на возвращение мужа нет, что детей ей поднимать придётся одной, и оставшуюся жизнь коротать она будет одна. К удивлению

своему, стало ей даже как-то спокойнее, надеяться ей не на что, а жизнь тащить на себе надо. Вторая дочка, тоже отличница и умница, школу окончила, уехала к сестре в Москву, тоже в институт поступать.

В местком дали Ануш замечательную путёвку на троих в дом отдыха «Мать и дитя» на Чёрное море. С двумя младшенькими и поехала отдыхать Ануш. Перед отъездом подумала-подумала, как она будет в море купаться с этой гривой, и пошла в парикмахерскую. Обрежьте, говорит, мне волосы. Давно она от жары изнывала, хотела их обрезать, да муж не разрешал ей этого. Теперь она сама себе хозяйка. Мастером в парикмахерской работала её бывшая ученица. И так уж она старалась, так долго с ней возилась, а волосы у Ануш волнистые, густые, блестящие! Посмотрела на себя Ануш в зеркало – невероятно! – другое у неё лицо, помолодела она, сама себе улыбнулась даже! И в доме отдыха так хорошо было, главное, не надо готовить и убирать, одно слово – дом отдыха! Вернулись они в конце августа, отдохнувшие, загорелые.

Первого сентября встала Ануш рано утром, девочкам завтрак приготовила, сама себя в порядок привела, костюмчик новый, нарядный, но строгий, что в отпуске купила, надела. Попудрилась слегка, губы чуть подкрасила, а этого муж ей не разрешал. И тут вдруг звонок.

Трубку сняла, услышала голос телефонной доброжелательницы:

– Анна Васильевна, я хочу вам сообщить, что Светлана-то, соперница ваша, родила ребёнка!

Сердце снова сжалось у Ануш, ну зачем ей это знать, ведь она только начала успокаиваться. Ответила:

– И зачем вы мне звоните?! Не хочу я этого знать!

– А я думаю, вам это будет интересно. Муж ваш сына хотел? Так вот Светка-то дочку родила!

Ануш тихо положила трубку, какое-то время ошеломлённо стояла неподвижно. Вспомнилось: «Дамский мастер!» Поняла вдруг – и оправдана она, и отмщена. Неизъяснимая радость подхватила её, словно крыльями, закружила по комнате! Ануш засмеялась и даже песню армянскую запела.

Она шла на работу, словно над землёй летела, и улыбалась – красивая, элегантная, сильная, уверенная в себе женщина. Подумаешь, 48 лет – ещё жить и жить! Работать и работать! Никогда ещё она не чувствовала себя такой счастливой, можно сказать, даже не знала, что такое настоящее счастье. А встречные люди – мужчины и женщины, юноши и девушки, подростки и дети ответно улыбались и смотрели ей вслед, словно каждого из них она одарила частицей своего безграничного счастья!

ПЕСЧИНКИ БЫТИЯ

КОТ И ГОЛУБЬ

Тихий тёплый сентябрьский полдень. Возвратившись из магазина с тяжёлыми сумками, присела отдохнуть возле подъезда на скамейку. Три уличные, «придомные» кошки, которых подкармливают сердобольные жильцы (в том числе и я), вопросительно, но с достоинством на меня посмотрели и придвинулись чуть ближе. В сумке у меня лежал пакет с замороженной килькой, купленной специ-

ально для них, но я обычно заливала кильку кипятком и уже оттаявшие, тёплые рыбёшки бросала кошкам с лоджии вниз, на асфальтовую отмостку. «Нет у меня ничего для вас, нет!» – сказала я. Кошки всё поняли и немножко отодвинулись.

Тишина, лепота... Посижу ещё немножко.

Вдруг из-за угла дома выбежал такой же «придомный» молодой рыжий кот – сильный, ловкий, смелый, быстрый. Если я бросала кошкам сверху еду, он первым успевал схватить лучший кусок. И надо было видеть этот его точный победный бросок! Сейчас он тащил в зубах молодого голубя. Уж как голубок позволил себя схватить – невероятно! Обычно птицы взлетали мгновенно, не давая кошкам приблизиться. Молодой голубок, неопытный... Я вскочила со скамейки с намерением отобрать голубка у этого хищника. Но увидела, что у птицы глаза закрыты, а крылья безвольно тащатся по земле. Все было кончено. Кот его уже придушил. Что уж теперь лишать охотника его добычи! Такова жизнь – только успевай поворачиваться. Три кошки внимательно посмотрели на счастливого кота. Они не двинулись с места, не попытались отнять добычу, но на умильных кошачьих мордочках читалась явная зависть: везёт же этому нахалу! Перебежав открытое пространство, кот скрылся в кустах палисадника, чтобы без помех спокойно пообедать. Закон жизни, что поделаешь, – кто-нибудь кого-нибудь ест...

Несколько минут было тихо. И вдруг раздался звук – ф-р-р-р! – и из кустов ракетой взмыл голубь, победно покружился над палисадником и улетел в далёкие, недоступные рыжим котам голубые дали. Через некоторое время из кустов вылез сконфуженный кот – упустил добычу! Понурился, неудачливый охотник, не глядя, прошёл мимо кошек. Никто не издал ни звука. На кошачьих мордочках явно просматривалось чувство глубокого удовлетворения: это тебе не кусок колбасы – это живая птица... Не всё коту масленица!..

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО...

Вот и закончилась эта страшная война! К нашей семье судьба была благо-склонна. Родители мои окончили в конце тридцатых годов медицинский институт в Ленинграде и были направлены работать в далёкую глубинку, в больницу села Павино Вологодской области. Чтобы туда добраться, сначала нужно было доехать поездом до станции Шарья, а оттуда просёлочной дорогой 126 километров до этого села.

Уже взрослой я поняла, как умно, толково была выстроена эта бывшая зем-ская больница. Рядом с ней амбулатория (поликлиника). Тут же, недалеко, морг. Скотный двор с коровами, лошадьё и прочей, мелкой, живностью для нужд больницы. Огромное картофельное поле, где сажали картошку для питания больных. Большой дом для главного врача, дом для медперсонала. В стороне, на расстоянии с полкилометра, – так называемый заразный барак (на случай какой-либо эпидемии).

А большое село Павино и несколько деревень были расположены в отдалении от этого куста больничных зданий. В школу детям медперсонала приходилось идти пешком около километра, что зимой, особенно после ночных метелей, было довольно-таки непросто.

Отец мой был хирургом, заведующим этой больницей, а 23 июня 1941 года он ушёл на фронт, и заведование приняла мама. И приходилось ей быть на все руки: и роды принимать, и полостные операции делать, и сломанные руки-ноги либо пытаться спасти, либо удалять.

Но вот наконец война закончилась. В 1946 году отец приехал за нами, и все вместе мы поехали к месту его службы в город Стрий Дрогобычской области, где он стал работать хирургом в военном госпитале, а мама – врачом в городской больнице.

Я была деревенской девочкой, училась в сельской школе на отлично, но никогда не видела электричества, водопровода, паровоза, вагонов, и даже легковые и грузовые машины были для меня удивительной и пугающей редкостью. Как я буду жить в городе, где такие высокие дома и много улиц, я не знала, и было мне страшновато. Однако же я быстро освоила дорогу и в школу, и в детский кинотеатр и снова училась на отлично в женской школе № 4.

На переменах бегать нам не разрешалось, а нужно было взяться всем за руки и ходить по огромному коридору и хором петь песни ещё недавних военных лет, например:

Артиллеристы, Сталин дал приказ!
Артиллеристы, зовёт отчина нас!
И сотни тысяч батарей
за слёзы наших матерей,
за нашу родину огонь, огонь!

И мы, малышня первой смены – от первого до четвёртого класса, вдохновенно вышагивали по кругу и всё это пели как можно громче! И уж побегать на перемене никак было невозможно!

Класс для меня был новым, все девочки незнакомые, и поначалу мне было тоскливо, но вскоре оказалось, что домой идти мне по пути с замечательной девочкой, которую я сразу заметила. Она была очень хороша собой: смугловатая кожа с румянцем во всю щёку, огромные тёмно-вишнёвые глаза под изогнутыми дугами бровей, яркие губы. Она была круглой отличницей и не знала других отметок кроме пятёрок. Её мама (кто-то сказал, что не мама, а тётя) была строгим завучем нашей школы. Девочки невольно выпрямляли спинку, когда она шла навстречу, чтобы не получить от неё замечание за некрасивую походку. Конечно, как тут не быть отличницей при такой требовательной родственнице! А с Жени требовали больше других!

Я тоже приехала с похвальной грамотой в руках и стала и в этом классе отличницей, хотя мне непросто давался украинский язык, который они учили с первого класса. Но и с этой задачей я быстро справилась. Украинский язык показался мне почти родным, только слова были словно бы насмешливыми. Однако они легко запоминались, как родственные, входили в память и в сердце. Никогда не забуду своего счастья, когда на первой четвертной контрольной по украинскому языку я получила пятёрку. А уж как я боялась этой контрольной!

Учительница читала нам отметки за эту контрольную, и вдруг я услышала:
– Тамара Воскресенская – отлично! И должна напомнить вам, девочки, ведь она учит этот язык только два месяца!

Это одно из самых счастливых воспоминаний моей жизни. С Женей мы уже подружились, она подошла ко мне на перемене и поздравила с пятёркой, искренне, радостно! Такая была хорошая девочка!

Почти половину класса у нас составляли девочки из детского дома, военные сироты. И учительница сажала каждую домашнюю девочку с детдомовской, чтобы подружались. Со мной сидела очень хорошая девочка из детдома, Ира Чиркова, и мы с ней тоже подружались, но сразу после школы детдомовские собирались вместе и строем шли в детский дом. А с Женей Нарожной можно было идти вдвоём, разговаривать обо всём на свете и, главное, о прочитанных книжках. Мы обе метили в «книжные алкоголики»... Однажды Ира мне сказала, что Женя тоже была в их детском доме, что её вывезли из Ленинграда, что отец погиб на фронте, а вся семья умерла с голоду. А едва живую Женю вывезли на Большую Землю через Ладогу. И завуч школы с сестрой, две бездетные женщины в возрасте за сорок, взяли Женю из детдома себе на воспитание. И я поняла, что они выбрали самую красивую, самую умную девочку, лучшую из всех.

На Новый год Женя пригласила меня к себе домой на ёлку. Жили они от нас недалеко, и мама меня отпустила. Ёлка была чудесная, с красивыми игрушками и лампочками, на тарелках была очень вкусная еда, и сладостей целая ваза. Нам устроили настоящий довоенный праздник! Мы с Женей по очереди читали стихи, что-то рассказывали, пели и даже что-то сплясали, а я спела деревенские, павинские частушки и имела успех: «По деревне ходитё, играетё и поетё, моё сердце беспокоитё и спать не даетё!» Две приёмные матери Жени смотрели на нас, смеялись и радовались. Похвалили меня, что я говорю чистым русским языком и никакого деревенского акцента у меня нет. А ведь совсем недавно я сочно, по-деревенски окала – «кОрОва». Я была счастлива! И Женя тоже! Всем было хорошо! Я получила в подарок пакетик с конфетами и печеньем, и мне дали понять, что пора прощаться. На улице смеркалось, и я быстро добежала до дома. Впечатлений было так много! И Женю я любила, любила, любила! Сбылась мечта – она была моей подругой!

И вдруг настал особенный день! Слух пронёсся, что в город приехала мама Зои и Шуры Космодемьянских, и на встречу с ней будут отправлены лучшие люди города, в том числе и дети. Встреча состоится в Доме офицеров. Наша учительница, Тамара Федосеевна, пришла в класс и сказала, что на встречу с мамой Космодемьянских пойдут самые лучшие ученицы. Как вы думаете, дети, кого мы пошлём от нашего класса? И девочки дружно закричали: Женя Нарожная и Тамара Воскресенская! Они круглые отличницы, за всё время не получили даже одной четвёрки! В классе была ещё одна девочка, Аля Зеленская. Она тоже хорошо училась и, что называется, наступала нам на пятки. И учительница сказала, вот ещё у нас хорошая ученица Аля Зеленская.

И тут прозвучал голос справедливой девочки с места:

– А она за последнюю контрольную по арифметике получила четвёрку!

И все замолчали. Кто-то с удовлетворением, кто-то с досадой. И тут Женя сказала:

– Это случайность! У Али за всю четверть это единственная четвёрка!

Класс молчал. И тогда учительница Тамара Федосеевна (ей самой-то 20 лет было) предложила:

– Давайте, девочки, проголосуем, пошлём мы Алю на встречу, или пусть сидит в классе... Так, – сказала учительница, – поднимаем руки вверх, кто за то, чтобы Аля пошла нашим представителем на встречу?

Мы с Женей первыми взметнули руки. Подняла руку и учительница, и вслед за ней весь класс словно взмахнул одним крылом! Заплаканная Аля сидела и улыбалась. Ах, непростая это работа – учить детей становиться людьми! Это я уж потом поняла...

Встреча была назначена на одиннадцать часов. Мы, троём, оделись, прокричали: «До свиданья!» и ушли.

В Доме офицеров уже собирались и дети, и юноши-девушки, и взрослые. Мы успели найти три места не так далеко от сцены и уселись рядом. Потом прозвенел звонок, и всё стихло. На сцену вышла женщина, не молодая и не старая, в тёмной одежде, слегка согнутая, как будто она носила на плечах тяжёлый груз. Груз сняли, а выпрямиться она уже не смогла. Зал молча встал. А потом все зааплодировали. Она постояла, посмотрела внимательно в зал, покивала благодарно головой, сказала, что зовут её Любовь Тимофеевна, и начала рассказывать, какой Зоя была честной девочкой, прилежной ученицей, как они дружили с братом Шурой, который был моложе сестры на два года. Вспоминала, как Зоя вступила в комсомол: вся лучилась от счастья и билет никому в руки не давала – раскрыла, мол, смотрите из моих рук. Потом она рассказывала, как Зоя пошла добровольцем, поступила в партизанский отряд. А потом погибла. Про неё была написана статья в газете, которая называлась «Таня». Это Зоя назвала немцам другое имя. Мать прочитала и плакала, а немного позднее узнала, что это статья о её дочери Зое. Зал плакал, плакали и мы, три девочки. А потом Любовь Тимофеевна рассказала, как добровольцем ушёл на фронт брат Зои, Шура. Он окончил танковое училище и был танкистом. На борту танка было написано краской: «За Зою!» И он не знал страха, и удача сопутствовала ему. И вот уже когда война шла к концу, под Кенигсбергом танк Шуры подбили, и он погиб. До конца войны оставалось три недели. И тут уж зал завыл в голос. Это было несправедливо! Погибнуть за три недели до конца войны! Люди снова встали, и аплодировали матери героев, и дарили ей цветы. Мы троём выбрались из толпы и пошли домой. Аля побежала в одну сторону, а нам с Женей надо было в другую. Мы шли с Женей тихо, разговаривали почти шёпотом. Девятилетние девочки, мы пытались постигнуть, зачем на земле идут войны, зачем люди убивают друг друга, да ещё так страшно, как убили Зою. В наших головёнках и сердцах никак не мог уместиться ответ на эти трудные вопросы, которые мы сами себе задавали.

Мой отец был насмешливым атеистом, никаких религиозных разговоров не терпел, хотя и был сыном сельского дьякона, и прошёл свой путь борьбы, споров с отцом. Он хотел учиться, а отец был против, и в 15 лет сын просто сбежал из дома. А деда вскоре арестовали, и он погиб в Сибири. Бабушку с тремя младшими дочерьми, своими сёстрами, отец мой, окончив институт, взял к себе в Павино. Бабушка прятала две иконы в чемодане, прикрепив их к внутренней стороне крышки. У нас с ней была отдельная комната, и я видела, как на ночь она открывала чемодан и тихо молилась. Бабушка попросила, чтобы я не говорила папе. Как-то постепенно она стала рассказывать мне, что такое добро и зло, что такое грех, что нельзя врать и обманывать, иначе потом, после смерти, на ТОМ СВЕТЕ каждого человека будут судить на Страшном суде, и все люди узнают про все твои грехи и будет очень стыдно. Да ещё и накажут за это.

Мы с Женей шли потихоньку и вспоминали рассказ матери Космодемьянских про своих погибших детей. Мы очень жалели и Зою, и Шуру, и их маму. И я вдруг сказала:

– Ну, на ТОМ СВЕТЕ они все обязательно встретятся и попадут в рай. Хотя, конечно, точно никто не знает, есть ТОТ СВЕТ или нет. Мне бабушка говорила, что есть.

Женя приблизила своё лицо к моему и прошептала:

– Я так хочу, чтобы ТОТ СВЕТ был!

– Почему? – тоже шёпотом спросила я.

– Потому что я так хочу встретиться там с мамой!

И тут, впервые в жизни, меня так пробила душевная боль, какой я не чувствовала даже во время рассказа матери героев Космодемьянских.

– Встретишься, обязательно! – шёпотом сказала я.

Мы разошлись на углу, на котором нам всегда надо было расставаться. Я бежала домой и плакала, девятилетняя девочка, впервые ощутившая чужую душевную боль, как свою.

Я еле дождалась, когда мама придёт с работы, и бросилась ей на шею.

– Что случилось, доченька, ты не заболела?

– Нет, мамочка, я просто очень по тебе соскучилась!

А потом у меня была длинная-длинная, оказывается, такая короткая жизнь со своими радостями, печальями, ошибками и раскаянием. Многого забыто. А слова девочки Жени помнятся всю жизнь. Где ты сейчас, милая Женя?

КОМУ НУЖНА ЛЮБОВЬ?..

На автобусной остановке на асфальте лежала чёрная лохматая мужская шапка. Я удивилась: пьяный, что ли, потерял?.. Нужно хотя бы на скамейку положить.

Подошла поближе – шапка шевельнулась, остренькая мордочка потянулась вверх, два глаза встретились с моими. Собачонка! Не увидев ни в ком интереса к себе, она положила мордочку снова на асфальт и прикрыла нос хвостом. Моросил дождик, дул ветер, тельце собаки сотрясалось мелкой дрожью. Она была из тех домашних собак и кошек, кого в перестройку бросали хозяева при отъезде из Казахстана.

– Почему она не бежит куда-нибудь в укрытие, почему лежит здесь, на холодном асфальте, на остановке? – неожиданно для себя сказала я вслух.

Молодая женщина отозвалась:

– Я вижу её здесь целую неделю, она, наверное, потерялась, кого-то ждёт. Здесь теплотрасса под землёй проходит, асфальт немного теплее. И, наверное, она кого-то ждёт...

Я возвращалась из больницы, и в баночке лежала варёная ножка цыплёнка, которую нельзя было есть тому, кого я навещала. Я достала баночку, отломил кусочек мяса, поднесла к собаке. Он взяла еду с радостью, но очень деликатно. Через полминуты с ножкой было покончено. Собачка вскочила на ноги и завертелась вокруг меня, весёлая, благодарная! Она изо всех сил показывала мне, какая она хорошая, верная и как нужна мне. Она тьякала на кого-то, кто приближался ко мне, она кидалась на дорогу и облаивала пролетающие машины.

Я не могла её взять. У мужа аллергия на шерсть животных. Я посмотрела ей в глаза и честно сказала:

– Прости меня, я не могу тебя взять.

Это невероятно, но собака поняла. Она не стала приставать и унижаться. Она отошла от меня и молча, с достоинством легла на прежнее место – почти сухой, неостывший кружочек на мокром асфальте.

Девушка грустно сказала:

– Не могу и я её взять, я в общежитии живу.

Я знаю теперь, что чувствуют предатели... К концу рабочего дня я написала об этом заметку, забежала в редакцию областной газеты и отдала её главному редактору. Он прочитал, вздохнул и сказал: «Ну, конечно, напечатаем!» И виновато бросил мне: «Я тоже не могу её взять».

Заметку напечатали в тот же день. На следующее утро я налила в баночку бульон с порезанными кусочками мяса и хлеба, упаковала в сумку. Рассказала в отделе. Кто-то смеялся, кто-то ругался на бессовестных хозяев!

В перерыв я подъехала к этой остановке. Собаки нигде не было видно. Я огляделась и увидела у стены ближайшего дома небольшой, словно кукольный, самодельный домик-конуру. Возле него возилось несколько мальчишек. Крыли крышу. А внутри на старом ватнике лежала моя чёрная собачонка. Я вылила бульон в стоявшую там столовскую железную тарелку, и собака стала с удовольствием лакать содержимое.

– Откуда вы узнали про собаку? – спросила я мальчишек.

– Так в газете же написали, мы утром прочитали... – ответили мальчишки возрастом от 6 до 12 лет.

Я немного успокоилась и пошла на работу – перерыв кончился. На следующий день я опять пришла на это место. Ни самодельной конуры, ни собаки не было видно. Мимо проходил мальчишка. Я спросила:

– Ты не знаешь, куда делась собака и конура?

– Дворники пришли, ругались-ругались, потом домик разрушили, а собаку позвал за собой какой-то дядя. Она и пошла...

Больше я эту собаку не видела. Очень надеюсь, что она нашла наконец человека, которому нужна её любовь...

